Чего хочет женщина

Автор:
Татьяна Полякова

Чего хочет женщина

Татьяна Викторовна Полякова

Авантюрный детектив

Красавица Лада поистине роковая женщина. Нет мужчины, способного устоять перед ее прелестями. Муж-актер и любовник-бандит всего лишь послушные марионетки в ее руках, а тут еще рядом подружка с грандиозными планами создать пусть и небольшую, но зато собственную криминальную империю. А почему бы и нет? И две красавицы начинают действовать…

Татьяна Полякова

Чего хочет женщина

Мы с мужем совершали ритуал: чаепитие перед спектаклем. Муж просматривал газету, прихлебывал чай из огромной чашки и сообщал мне последние театральные новости. Рассказчик он хороший, чего не скажешь о его игре. Я пила чай из чашки поменьше, с удовольствием смотрела на его красивое лицо и жалела, что он мой муж. Услышав звонок в дверь, я досадливо поморщилась – по четвергам, а был четверг, мы предпочитали проводить день вдвоем. Муж посмотрел на меня поверх газеты.

– Кто бы это?

– Понятия не имею, – ответила я и хотела подняться, но он опередил меня.

– Сиди, дорогая, я открою, – муж у меня джентльмен.

Звонок надоедливо трещал, затем хлопнула дверь, и я услышала голос моей подруги Таньки, при звуках которого меня всегда пробирает дрожь. Болтать она начала с порога, муж довел ее под руку до кухни.

– Привет, – буркнула она и тут же добавила: – Я влюбилась.

– Чудесно, – без иронии заметил муж. – Присутствовать можно?

– Оставайся, – разрешила Танька. – Тебе полезно послушать. Что-то ты больно спокоен, друг мой, а с такой женой, как у тебя, всегда надо быть начеку.

– Приму к сведению. Так что там за новый возлюбленный?

Танька влюблялась, как правило, четырежды в год, вспышки приходились на средний месяц каждого сезона, она объясняла это особыми токами в крови.

– Ну, так что за любовник? – подала я голос. – Что он, красив, умен?

Танька подозрительно покосилась на меня.

– Что-то ты бледная сегодня.

– Это освещение.

– Может, и освещение, а по мне, ты слишком много пялишься на своего красавца мужа. Кстати, мужчине вовсе не обязательно быть красивым, а ум ему уж точно ни к чему.

– Значит, твой любовник безобразен и глуп?

Танька стала сверлить меня взглядом, силясь понять, говорю ли я серьезно или дразню ее. Наверняка лицо у меня сейчас довольно глупое, зато непроницаемое. Я пользуюсь своим лицом как ширмой. Не обнаружив ничего похожего на насмешку, Танька улыбнулась.

– Он чудо.

– Прошу прощения, леди, – встрял муж. – Пикантные подробности будут?

– Разумеется, – ответила Танька.

– Тогда я удаляюсь. Терпеть не могу, когда хвалят других.

Муж поднялся и, одарив меня самым нежным взглядом из своего арсенала (в театре он играет преимущественно любовников), скрылся в гостиной.

– Хорош, черт, – вздохнула Танька.

– Хорош, – отозвалась я. – Ну, что там с любовником?

– Он из Сан-Франциско.

– А где это?

– Не прикидывайся. В Америке.

– Серьезно? А здесь-то ему что надо?

– Контракт приехал заключать. Мост будут строить.

– Через нашу канавку, что ли?

– Ты чего сегодня вредная такая, женские недомогания?

– Да я так просто, выясняю, – мирно сказала я. – Контракт заключили?

– Нет. Думаем. Уж больно круто.

– Так ведь из Сан-Франциско люди едут.

– Вообще-то он грузин.

– Но из Сан-Франциско. Любопытно.

Танька опять стала сверлить меня взглядом.

– Не вредничай, родители у него эмигрировали. – Тут она лучезарно улыбнулась и спросила: – Доброе дело сделать хочешь?

– Хочу, если это не дорого.

– Не дорого. Пойдем в ресторан. Он меня поужинать пригласил. Но ведь как-то неудобно, верно?

– Отчего ж неудобно?

– Ну, у нас же вроде деловые отношения. А тут вдвоем.

– Так вы ж любовники.

– Да нет еще. В общем, я сказала, что приду с тобой, а он там какого-то хмыря притащит.

– Ты уверена, что получится приличней?

– Уверена. В шесть часов встречаемся.

– Не пойдет. Сегодня в театр иду.

– Что там делать-то? На мужа смотреть… Он тебе и так целыми днями глаза мозолит. Между прочим, не так уж часто я обращаюсь к тебе с просьбами.

Действительно, за последнюю неделю это случилось всего каких-нибудь пять раз.

– Не пойду.

– Вот только попробуй, – сурово сказала Танька. – Может, от этого ужина моя судьба зависит. Позвоню.

Танька отбыла, крикнув мужу:

– Валерочка, котик, пока.

Валера, стоя перед зеркалом, пытался завязать галстук. Он морщился и время от времени стонал:

– Черт, это невыносимо.

Зрелище устрашающее. Я не умею завязывать галстуки. Все, чем могу помочь в этом процессе, так это напряженно морщить лоб и повторять:

– Спокойнее, милый.

Наконец с галстуком было покончено. Муж довольно улыбнулся, я помогла ему надеть пиджак, стряхнула с плеча несуществующие пылинки.

– Ты чудо, – сказал он и поцеловал меня в нос.

Я довольно улыбнулась. Прощальный взгляд в зеркало: в профиль Валера просто бесподобен.

– Какие у тебя планы на вечер? – спросил он.

– Вообще-то я собиралась в театр, говорят, ты превзошел самого себя. Должна же я это видеть.

Лицо любимого чуть вытянулось. Чего-то я с планами намудрила. Свинство, конечно, с моей стороны, сообщать ему об этом за два часа до спектакля. Я поспешно отвернулась и начала перебирать ноты на фортепиано – надо дать возможность человеку опомниться. В мужа я верю, он молодчина. Несколько лет назад ему присвоили «заслуженного», не зря присвоили: когда я, сосчитав до

шестидесяти, повернулась, на лице его сияла самая ослепительная из улыбок.

– Как это мило, что ты решила посмотреть спектакль, – бодрым голосом заявил он и поцеловал меня. Несколько минут мы о чем-то поболтали, но взгляд у него был ищущий, значит, плохи дела у человека. Я проводила его до двери и чмокнула на прощание, потом вернулась в гостиную, прихватив из прихожей телефон. Выждав сорок минут, позвонила в театр. Меня попросили подождать, а когда муж взял трубку, я чуть не плача сказала:

– Валерочка, прости меня ради бога, я не смогу прийти. Мне самой страшно жаль… Я сожгла бордовое платье, да, забыла утюг… И у тебя еще хватает совести острить?.. Нет, в другом платье не могу, к тому же настроение безнадежно испорчено.

Я повесила трубку. Бордовое платье придется на время спрятать, через месяц Валера все равно о нем забудет. Тут как раз позвонила Танька:

– Ты мне подруга или кто?

– Подруга, подруга, сейчас подъеду.

Надо полагать, это судьба.

Танька, пританцовывая, ждала на остановке. Я открыла дверцу машины, и она плюхнулась рядом.

– Мать моя, холод какой. Лето хочу. Дай гляну, что надела.

Я распахнула шубу.

– Так и знала. Выпендрилась. Теперь на тебя пялиться будет.

– Я тебе сколько раз говорила, ищи подругу хуже себя. А ты простофиля.

– Душевная я, этого у меня не отнимешь. Чего мужу сказала?

– Сказала, что платье бордовое сожгла.

– Правда сожгла? – ахнула Танька.

– Нет.

– Слава богу, хорошее платье. А твои титьки в нем высший класс, не только мужикам, даже мне сразу чего-то хочется.

Тут Танька права: бюст у меня такой, что семь мужиков из десяти, увидев его, долго не могут захлопнуть рот, остальные трое живут с открытым ртом до конца жизни.

Танькин возлюбленный ждал нас при входе. Грузинского в нем только и было что темные волосы, а вообще-то отнести его к какой-либо национальности было весьма затруднительно. Впрочем, Сан-Франциско далеко, и кто знает, какие там грузины. Понять, чего Танька в нем нашла, было невозможно, но она во всем проявляла такую стойкую оригинальность, что я давно оставила всякие попытки что-нибудь в ней уразуметь. Второй кавалер был совершенно бесцветен, к тому же по-русски не говорил, пялился на меня, что-то лепетал и все норовил ухватить за коленку. Черт его знает, что он там себе вообразил. Через полчаса стало ясно – ужин не удался. Сначала это поняла я, а потом дошло и до Таньки; возлюбленный говорил только на две темы: контракт и мост. Танька ерзала, смотрела на него по-особенному, потом притомилась и заявила, что от нее мало что зависит. Это она врала из вредности. Через час мы уже меленько трусили к моей машине. Танька материлась, скользя на высоких каблуках.

– Нет, ты скажи, где еще такого дурака увидишь? А ты ехать не хотела. Да его за деньги надо показывать. Баба из трусов выпрыгивает, а он ей про мост лапшу вешает. Все, это последний американец в моей жизни.

– Он грузин.

– Козел он прежде всего. Ох… Ну что? Поехали к Аркашке, что ли? Напьюсь с тоски.

– К Аркашке не поеду. Позавчера был. Надоел до смерти.

– Бабки стричь не надоело. Поехали, не бросишь же ты меня, когда я в таком положении.

– В каком положении?

– В трагическом, дура.

– Поехали, – сказала я, заводя машину.

– Давай по объездной, быстрей получится.

Но едва мы выехали на объездную, как в машине что-то подозрительно хрюкнуло, и она заглохла.

– Чего это? – недовольно спросила Танька.

– Бензин кончился.

– Вечно у тебя что-нибудь кончается. Вываливай титьки на дорогу, мужиков ловить будем.

– В шубе я.

– Распахни.

Мы вышли из машины, закурили и стали ждать появления спасателей.

– Зараза, холодно-то как.

– Холодно, Танюшка, холодно.

– А я еще сдуру без трусов. Выпендрилась, прости господи, чулки и подтяжки… Для кого старалась!

– Может, ты в машину сядешь, чего задницу морозить?

– Хрен с ней, с задницей, все равно не везет.

Тут в досягаемой близости появился «москвичонок» и притормозил.

– Чего у вас, девчонки? – весело спросил дядька в лисьей шапке.

– Ничего у нас для тебя нет, дорогуша, – ответила Танька. – Кати дальше.

Дядька укатил.

– Чего ты? – спросила я. – Плеснул бы бензинчику.

– Душа у меня горит.

– Ага. Душа горит, а задница мерзнет.

Тут подкатила «бээмвэшка», первым вышел водитель, здоровенный детина с наглой рожей, за ним появился пассажир. Кожаные куртки, норковые шапки, одно слово – униформа. Первый радостно осклабился и спросил:

– Что, девочки, загораем?

– Загораем, – бойко ответила Танька, оглядывая парня с ног до головы, плохое настроение с нее как ветром сдуло. Танька от здоровых мужиков просто дурела, она их, как свиней, килограммами мерила.

– Что случилось-то?

– Бензин кончился.

– Что ж вы так, девочки? Придется помочь. Как думаешь, Дима?

Дима подошел поближе и улыбнулся. Улыбка у него – лучше не бывает.

– Поможем, конечно.

Нас разглядывали. Мне что, не жалко. Танька стояла подбоченясь, ухмыляясь и выглядела сногсшибательно. Парни засуетились, потом пошептались о чем-то возле своей машины и опять подошли к нам.

– Девочки, накладочка вышла, – сказал первый. – Бензина у самих маловато, придется до заправки ехать.

– Ясно, – усмехнулась Танька.

– Да нет, серьезно, хотите, я вам Димку в залог оставлю? – Парень сделал паузу и добавил, глядя на Таньку: – Можешь со мной поехать, если не веришь.

– Пожалуй, так надежней будет, – засмеялась она и, покачивая бедрами, пошла к «БМВ». Я села в свою «восьмерку» и открыла правую дверь.

– Садись, Дима.

Он сел, я включила свет в салоне, чтобы получше его разглядеть, ну и, само собой, чтоб и он увидел, кто с ним рядом. Дима был хорош.

Лет двадцати пяти, голубые глаза, чувственные губы и улыбка героя американских боевиков. Еще одним явным достоинством Димы было полное отсутствие наглости: во взгляде, в улыбке, в манере сидеть.

– Курить можно? – спросил он.

– Можно, – улыбнулась я.

– А вы курите?

– Иногда.

Мы закурили.

– Думаю, они не скоро вернутся, – заметил Дима, но опять-таки спокойно, без нажима.

– Я тоже так думаю, – согласилась я. – Если уйдешь, я не в претензии.

– Да нет. Спешить мне некуда. Как вас зовут? Глупо разговаривать, не зная, как обратиться к человеку, – сказал он, словно извиняясь.

– Лада. Лада Юрьевна.

Он улыбнулся.

– Имя у вас интересное. Редкое.

– Да, имя у меня редкое. А тебя зовут Дима. Чем занимаешься? Ничего, что я спрашиваю?

Он пожал плечами.

– На станции техобслуживания работаю, слесарем.

– Нравится?

– Нравится. Я с детства машины люблю. Вот сломается ваш «жигуленок», приезжайте, сделаю в лучшем виде.

– Да вроде бы миловал бог, пока бегает.

– Новая машина?

– Да.

– Ваша или мужа?

– Моя.

– Я себе тоже машину собрал, полгода возился, но не зря. Хорошая машина. – Он вдруг запнулся и спросил: – Вам, наверное, смешно?

– Почему? – удивилась я.

– Ну, я ведь не слепой, кое-что вижу: шуба песцовая, своя «восьмерка», одно ваше кольцо стоит дороже моей тачки. Муж коммерсант?

– Муж у меня актер, в театре играет. Папа у меня хороший.

– Ясно. А вы чем занимаетесь?

– В музыкальной школе работаю, детишек учу.

– На пианино?

– Да.

– Руки у вас красивые.

– Руки? – улыбнулась я.

– Об остальном не говорю. Слов нет. Без шуток.

– Спасибо. Мне приятно. Слушай, ты сладкое любишь? У меня шоколад есть.

– Люблю, – улыбнулся он.

Мы разломили плитку пополам, я быстро свою съела, а Дима от своей половинки отломил чуть-чуть, остальное протянул мне, вышло это трогательно и мило.

– В армии почему-то очень сладкого хотелось, – сказал он, а я спросила, где служил? – и разговор пошел сам собой, точно мы знали друг друга давным-давно. Когда впереди показалась «БМВ», я даже ощутила что-то вроде досады.

– Вот и Вовка с вашей подругой. – По Диминому голосу было ясно, что дружок мог бы и не торопиться. Вова вышел, достал канистру из багажника и подошел к нам.

– Дима, – сказал Вовка, ухмыляясь, – тебя Лада довезет, ладно? У меня тут… в общем, доедешь, да?

– Доеду, – ответил Дима. – Лада, воронка есть?

– Есть, в багажнике. – Я подала ему ключи. «БМВ» с Вовкой и Танькой укатила, я тоже завела машину.

– Ты где живешь? – спросила я Диму. Он посмотрел мне в глаза.

– А вы очень торопитесь?

– Да нет. Хочешь, покатаемся?

– Хочу.

– Тогда за руль садись, я, когда болтаю, езжу неаккуратно.

Машину Дима водил мастерски, вообще смотреть на него было одно удовольствие. Мы катались по вечернему городу и болтали, пока я не сказала, смеясь:

– Дима, у нас с тобой опять бензин кончится.

– Понял, – ответил он.

Мы поставили машину в гараж и домой поехали на такси, возле моего подъезда простились, Дима уехал, а я поднялась к себе, переоделась, поставила чайник на плиту и стала ждать Валеру. Мысли мои были приятны, и настроение отличное, выходило, что Танька в этот вечер меня вытащила из дома не зря.

Утром мы поднялись поздно – по пятницам я работаю во вторую смену, у мужа репетиция в двенадцать, можно было отоспаться. Я готовила завтрак, скучала и прикидывала, чего бы мне захотеть. Помучившись немного, я захотела новую машину. Следовало подготовить мужа.

– Валерочка, – сказала я, – у меня с машиной что-то. Не заводится.

– Да? – Муж в автомобилях не разбирается, у него своя «девятка», в ней вечно что-то ломается, муж злится и о машинах говорит неохотно. – Наверное, зажигание, надо посмотреть.

Тут в дверь позвонили.

– Что за черт, – сказал Валера. – Ни дня без гостей, – и пошел открывать. Однако голос его мгновенно переменился. – Аркадий Викторович, – радостно запел он. – Проходи. Куда пропал? Только вчера тебя вспоминали.

– Ох, Валера, работа в гроб вгоняет, связался с этой коммерцией, век бы ее не видать. Как вы?

– Нормально, проходи. Лада на кухне. Лада, посмотри, кто пришел.

В кухню бочком и слегка пританцовывая вкатился Аркаша, маленький толстый старый еврей, мой любовник.

– Здравствуй, Ладушка, – пропел он и к ручке приложился.

– Аркадий Викторович, что невеселый?

– Заботы одолели. Чайком не напоите?

– Конечно. – Муж поставил чайничек. – Может, коньячку? Хороший, армянский.

– Ох, нет, спасибо. Бросать надо коньячок. Сердце прихватывает.

– Рано тебе на здоровье жаловаться.

– Какое там, Валера, – Аркаша махнул рукой. – Стар, стар стал, пора на покой, сына бы на ноги поставить.

Аркаша пил чай и лучисто улыбался. Физиономия у него круглая, как луна, и чрезвычайно добродушная. По внешнему виду Аркаши никто бы не догадался, что это редкий подлец, жулик и бандит. Они с Валерой пили чай, а я за ними ухаживала.

– Лада на машину жалуется, – сказал Валера. – Что-то у нее там с зажиганием.

Аркаша кивнул:

– Посмотрим, пришлю кого-нибудь. А твоя как?

– Не знаю, что с ней делать… Продать надо к чертовой матери.

– Давай ее сыну покажем, он у меня такой мастер, сам удивляюсь. Талант у парня. Продать всегда успеешь.

Через час Валера засобирался на репетицию, ласково простился с Аркашей и отбыл. Я его проводила и вернулась на кухню.

– Ладушка, – запел Аркаша. – Красавица ты моя, соскучился. – Он обнял меня за талию и прижался головой к моему животу.

– У меня машина сломалась, – сказала я.

– Слышал. Сделаем.

– Надоело мне на этом старье ездить.

Аркаша подпрыгнул.

– Ладуль, какое старье, побойся бога, машине полтора года.

– Я и говорю, старье.

Аркаша заерзал.

– Старье… Я на своей три года езжу.

– Вот и езди, а мне надоело.

– Да ты с ума сошла. – Он руки расцепил и нахмурился. – Чего тебе еще?

– «Волгу».

Аркаша, как я и предполагала, схватился за сердце.

– Спятила баба. «Волгу». Совесть надо иметь. Я на тебя трачу больше, чем на всю свою семью.

– Я ж тебя не граблю, продай мою «восьмерку», деньги забери.

– Что их забирать, все равно выцыганишь. Ух, глаза бесстыжие.

– Жадничаешь, черт плешивый, – сказала я и хлопнула тарелку об пол. – Дожадничаешься. Брошу к чертовой матери.

– Как же, бросишь, – ядовито сказал Аркаша. – А деньги? Ты за деньги удавишься.

– Найду другую дойную корову, вон Лома, например.

– Лома? – Аркаша опять подпрыгнул. – Да Лом сам смотрит, как бы с баб содрать.

– Ничего, я его так поверну, молиться на мою задницу будет, не говоря уж о прочих интересных местах.

Аркаша стал менять окраску с обычного бледно-фиолетового до багрового, потом вдруг позеленел.

– Ну до чего ж подлая баба, мало я на тебя трачу, Лом ей понадобился. А этот, сволочуга, все Ладушка да Ладушка, пущу в расход подлеца.

– Чего городишь-то? Кто с твоими бандюгами управляться будет? Они тебя в пять секунд почикают. Пропадешь без Лома.

– Ох, Ладка, узнаю чего, я тебя… – Аркаша запнулся, прикидывая, что он мне такое сделает, но, так и не придумав ничего особенного, махнул рукой. – Ты перед Ломом титьками своими не тряси, у него и без того рожа блудливая, так по тебе глазищами и шарит. Ну что тебе «Волга», корыто, прости господи, уж покупать, так импортную.

– Я патриотка, родную промышленность поддержать хочу.

– Шлюха ты, бессовестная баба и шлюха.

– А ты пенек старый, – заявила я и стала разливать чай.

Аркаша посидел, посопел, вернул себе обычный цвет и, почесав грудь, сказал:

– Ладушка, чеченцы вчера опять были, слышишь?

– Гони в шею. Говорили уже.

– Деньги-то какие сулят.

– Они посулят, а потом брюхо-то жирное тебе вспорют. Свяжешься с нехристями – брошу. Ей-богу, брошу и на деньги твои наплюю.

Я подумала и на всякий случай вторую тарелку грохнула. Тарелок было не жалко.

– Ты подожди, – опять запел Аркаша. – Дело-то выгодное, подумай, мы ведь в сторонке будем. А деньги-то какие.

– Аркашка, – грозно сказала я, – отвяжись. Нутром чую, свяжешься с чечней, каюк тебе.

Он вздохнул. В мое нутро Аркаша верил свято. Лет пять назад подъехали к нему с большим делом, мне же предложение пришлось не по душе, ругались мы дня два, Аркаша уступил, потом дурью орал, злился, что из-за меня миллионов лишился. Но вскоре ребятки отправились восемь лет строгача отсиживать, а толстяк тихой сапой их дело к рукам прибрал, просил прощения, руки целовал и с тех пор больше советов моих ослушаться не смел. Аркаша еще раз выразительно вздохнул.

– Ладно, нет так нет. А с долгом что делать будем, неужто отдавать?

– Еще чего. Перебьются.

– Грозились.

– Ты на них Лома спусти. Нечего ему задницу просиживать. Обленился, кобель здоровый, только и знает девкам подолы задирать. За что ты ему деньги платишь?

– И то верно. Пусть поработает.

Аркаша успокоился и опять ко мне полез:

– Ладушка, красавица ты моя.

Я чмокнула его в лысину. Аркаша обиделся.

– Ну что ты за баба такая, ласкового слова от тебя не дождешься. Все только дай да дай. Пожалела бы ты меня.

– Чего тебя жалеть?

Он вздохнул:

– Старею. Давление у меня. Сердце.

– Не прибедняйся. Ты меня переживешь. Давление. Лопать меньше надо.

– Куда меньше. Не пью совсем. Коньячку только.

– Водку пей. Поправишься.

– Дай я тебя хоть поглажу.

– Погладь.

– Ладуль, приедешь завтра?

– Приеду. Про машину не забудь.

– Не забуду. Какой у нас праздник?

– Двадцать третье февраля.

– Вот, будет тебе подарок к Дню Красной Армии.

Вечером я сидела в учительской, подбирала репертуар любимым чадам. Во всей школе оставалось человек десять, вахтерша дремала за стойкой, было тихо, и уходить не хотелось. Тут черт принес Таньку, она вплыла в учительскую, выдала улыбку и полезла целоваться.

– Ну что, как там Вовка? – спросила я.

Танька потянулась, демонстрируя свои прелести, и сказала с усмешкой:

– Заездил, черт. Не мужик, а конфетка. Только взять с него нечего, за душой ни гроша, «бээмвэшка» паршивая да пара сотен. Что за напасть такая – как мужик путный, так обязательно нищий, как богатый, так либо подлец, либо импотент. Одно сло-во, не везет.

– Простились навеки?

– Как же. Он как увидел мою квартирку, доверху упакованную, челюсть руками придерживал да еще коленкой помогал.

– Ты завязывай мужиков домой таскать. Смотри, ограбят.

Танька задумалась.

– Так вроде парень неплохой. Хотя черт его знает. Надо Лому сказать, пусть хоть сигнализацию, что ль, какую на двери поставит, поработает.

– Ага. У Лома только одна сигнализация работает, в штанах.

– Это точно. Мента надо в любовники. Пусть квартиру сторожит.

– Заведи.

– Попозже. С Вовкой разобраться надо.

– Зачем он тебе? Сама говоришь: нищета.

– А я за него замуж выйду.

Я хмыкнула, а Танька обиделась.

– А что? Он и моложе-то меня лет на пять всего. Возьму к себе на работу, человеком сделаю, знаешь как заживем. – Танька задумалась, потом сказала: – В люди выведешь, обуешь, оденешь, а он, подлец, по бабам шляться начнет.

– Так ведь еще не начал.

– Ой, Ладка, все мужики подлецы. А твой как?

– Покатались, до дома проводил.

– И не трахнулись?

– Нет, конечно.

– Че делается. Совсем баба дура.

– Я тебе уже говорила, у порядочной женщины может быть один муж и один любовник. Два – перебор.

– А если мужа нет, сколько любовников может быть?

– Сколько угодно.

– Слава тебе господи, в порядочных хожу. – Танька насмешливо посмотрела на меня и спросила: – Не надоел тебе твой Аркашка?

– Надоел. Бросить бы его, заразу, да где еще так пристроишься? Не к Лому же на поклон. Давно жмется, и на роже написано: «Не потрахаться ли нам, дорогуша?»

– Не вздумай с Ломом вязаться. Подлюга. Аркашка надежнее.

– Вот и я так думаю.

– Засиделась ты возле него. Погулять надо. Пригрей Димку. Мальчик-то какой, а улыбочка!

Я махнула рукой.

– Машину хочу – «Волгу». Аркаша обещал.

– Ой, Ладка, – Танька головой покачала. – До чего ж ты на деньги жаднющая, прямо патология какая-то. Все тебе мало. Деньжищ у тебя – на всю жизнь хватит, а ты… сидишь возле Аркашки, на хрена он тебе сдался, старый черт? Плюнь на него, заведи мужика путного, бабьего веку осталось совсем ничего.

– Отстань, – сказала я. – У тебя мужики, у меня деньги.

Танька вдруг заерзала.

– Ты меня домой не отвезешь? Что-то беспокойство у меня. Правда не ограбили бы. – Как Танька по мужикам ни сохла, но барахло любила еще больше.

– Отвезу, – засмеялась я.

В машине Танька опять начала приставать ко мне:

– Мужа ты своего не любишь, Аркашку едва терпишь… Вышла бы замуж за хорошего человека, ребенка бы родила.

– Отстань, Танька, сама рожай. Ребенка мне еще не хватало…

– Ага, я уже родила.

Бывший Танькин муж был алкоголик, у их ребенка была болезнь Дауна, Таньку он даже не узнавал, но она его жалела и регулярно ездила к нему. Возле дома она тяжко вздохнула:

– Прямо боязно идти. Умеешь ты настроение испортить.

– Да ладно, ступай, цело твое барахло.

Я поехала домой, размышляя над Танькиными словами. И мужа я давно не любила, и Аркашка мне надоел, и денег я желала до судорог. Мой роман с деньгами начался давно и поначалу неудачно. Родители жили скромно, а я всегда мечтала о респектабельности, но по молодости дала маху: вышла замуж за актера. И ладно бы просто вышла замуж, а то ведь влюбилась, как кошка.

Было мне девятнадцать, училась я в пединституте, а Валерка, закончив театральное, прибыл в наш город вместе со своим курсом и дипломным спектаклем «Милый друг». Он играл Жоржа Дюруа и был так хорош, красив и

сокрушительно нахален, что дух захватывало. После спектакля я потащилась к нему с цветами и таскалась до тех пор, пока он не созрел до понимания простой истины: лучше меня никого на свете нет. Через месяц он признался мне в любви, через три мы поженились. Жили у родителей, спали на кухне, квартира однокомнатная. Зарплата у него была копеечная, и плюс моя стипендия. А тут квартиру предложили. Заняли денег. Бились как рыба об лед. Валерка по деревенским клубам катался, я полы в поликлинике по вечерам намывала, и все равно ни на что не хватало. Получили квартиру, еще беда – мебель. Опять долги. Я чулки штопала и ревела, учеников набрала столько, что от музыки, даже хорошей, тошнило. А тут беременность. Валерка за голову схватился.

– Лада, куда нам ребенок? Как мы на мою зарплату проживем?

Решили подождать. Я слезами обливалась, а в больницу все-таки пошла. Но доконало меня не это. Как-то, возвращаясь с работы, влетела в троллейбус, денег не было ни копейки, в кошельке один ключ, но устала я страшно, спину разламывало, и решила рискнуть. А тут, как на грех, контролер, и народу всего человек десять. Вся кровь мне в лицо хлынула, я стояла ни жива ни мертва, а рядом парень, молодой, не старше меня, одет с иголочки, на пальце печатка грамм на пятнадцать, и губы насмешливо кривятся. Посмотрел на меня, купил билет и мне протянул. Я взяла. На остановке вылетела из троллейбуса, он за мной, крикнул:

– Эй, подожди, – и подошел вразвалочку. А я точно свихнулась.

– Сволочь! – заорала. – Сволочь.

И бегом домой, слезы по щекам размазываю, трясусь и сама себя ненавижу. Ни о чем, кроме денег, я уже думать не могла. А их не было.

Валерка не выдержал первым. Ходил измученный, нервный, злой, а потом как-то враз переменился, ласковый стал, все Ладушка да Ладушка. Я гадала, в чем дело, пока мне Танька глаза не открыла:

– Баба у него, торгашка. Лет на сто старше. Он на ее тачке разъезжает по доверенности, а она его после спектакля встречает и в ресторан. Хорошо устроился.

Я пошла взглянуть на торгашку. Выкатилась баба лет сорока пяти, толстая, некрасивая, лицо отечное, мешки под глазами, и смолоду, видно, красотой не блистала, а теперь и вовсе ей природа ничего от щедрот своих не оставила. Но пальто на ней было класс и сапоги тоже, и топала она в тех сапогах к собственным «Жигулям». Я опять ревела, не от обиды даже, а от жалости к Валерке, каково ему с такой жабой спать? Деньги… Ох как денег хотелось! Прикидывала, где бы заработать, и так и эдак, ничего не выходило. На мужиков не смотрела, воспитание не то, замуж девицей выходила, и Валерке изменять было стыдно, хоть он этого и заслуживал. Отметили мой день рождения, ухнув всю зарплату, а на следующий день Танька пришла.

– Муж где?

– В театре. Премьера сегодня.

– А ты чего не пошла?

– Не в чем. Одно платье приличное, я в нем три года хожу. Люди думают – униформа, за билетершу принимают.

– Так, – сказала Танька. – Хватит тебе пялиться на красивую рожу своего мужа. Завязывай. Пора зарабатывать деньги.

– В проститутки не пойду. Брезгливая я.

– Не ходи. Пойдешь в содержанки.

– Чего ты городишь?

Танька закурила и сказала очень серьезно:

– Ладка, мужик у меня есть… Нам такие деньги никогда и не снились. Я у него долго не продержусь, характер не тот, не умею я мужиками вертеть, а ты баба железная, ты его до нитки оберешь. А я помогу. Ну что?

Мы посмотрели друг на друга, и я сказала:

– Как ты меня ему подсунешь, дура? Придешь и скажешь, вот моя подружка, трахайте за деньги?

– По-умному сделаем. У меня и план есть.

– Какой план, Танька?

– Хороший план. В воскресенье придешь, познакомитесь.

Когда в воскресенье я увидела Аркашу, меня затошнило – старше меня лет на тридцать, достает мне до уха, хотя рост у меня не бог весть какой, плешивый, и рожа глупая-преглупая. Я улыбалась, вела себя скромно, к Аркаше выказывала интерес. На кухне шепнула Таньке:

– Да есть ли деньги-то у него, по виду – лопух.

– Есть. Что я, родной подруге свинью подложу?

Посидели мы втроем очень мило, и я Аркаше понравилась, он потом у Таньки про меня выспрашивал, а она, дурочкой прикинувшись, охотно отвечала. Мы не торопились, Аркаше я глаза не мозолила, виделись всего пару раз, но стараниями Таньки интерес ко мне поддерживался. Выбрали день, когда он должен был прийти, я явилась на час раньше, и Танька мне сказала:

– Ладка, муж у тебя актер, за пять лет кой-чему ты у него должна была научиться. Реви так, чтоб деревянного проняло.

И я заревела. Звонок в дверь, Танька открывать пошла, дверь в комнату распахнута настежь, Аркаша на пороге с цветочками, а Танька ему:

– Извини, ради бога, не до гостей сегодня.

Аркаша увидел, как мой бюст ходуном ходит от горьких рыданий, и в квартиру прошмыгнул.

– Что случилось? Почему Лада плачет?

Танька и из себя слезу выжала:

– Иди, Аркаша, не до тебя сейчас. – А он уже в комнате.

– Лада, что с тобой?

– Отстань от нее. Тут такая беда. Ей завтра за квартиру отдавать, собрали деньги, а у нее кошелек в троллейбусе украли. Мужу говорить боится, половина денег в долг. Ох, голова раскалывается, что делать, не придумаю.

Я реву еще громче, голову руками обхватив, а Аркаша бочком ко мне.

– Лада, не плачь, я помогу. Дам я тебе денег.

– Что ты болтаешь, а? – говорит Танька. – Как она тебе их вернет, что мужу говорить будет?

А Аркаша меня по коленочке гладит и ласково так говорит:

– Мы договоримся, Лада, договоримся.

На следующий день приехал ко мне в школу; я всю ночь на кухне книжку читала, чтоб с утра помятый вид иметь, вышла из учительской, головка набок, глаза опущены, а он мне конвертик.

– Вот, Ладушка.

Взяла дрожащей ручкой и сказала:

– Спасибо, Аркадий Викторович.

Через недельку он пригласил меня на дачу. Поехала. За свои деньги Аркаша хотел многого, и я старалась, как могла, ублажала. Однако и управляться с ним научилась быстро. Месяца не прошло, а я уже вертела Аркашей и так и эдак. На деньги был он жаден, но против моего напора устоять не мог. Стал интересоваться моей квартирой, к тому моменту было ясно, что никуда Аркаша

от меня не денется, увяз, и я сказала правду. Головой покачал, посмеялся и похвалил:

– Хорошо, что не врешь.

Аркаша быстро шел в гору, а вместе с ним и я. Чуть что, грозилась бросить к чертовой матери. Поначалу он боялся, а потом понял: деньги я люблю до одури и никуда не денусь. Успокоился, ревновал больше для порядка, и как ни странно, а верил мне. И я к Аркаше привыкла. Хоть и противны были его потные ладошки, однако душа родная и дело общее; на свой лад я его даже любила.

Но и Танька была права – бабьего веку оставалось не так много, и возле Аркаши я явно засиделась. Хотелось моей душе чего-то. Потому и о Димке второй день думала, не то чтобы мечтала, а так, нет-нет да и вспомню, улыбнусь.

В понедельник он мне позвонил в школу. Начал путано:

– Лада Юрьевна, это Дима, мы с вами в четверг познакомились, у вас бензин кончился.

– Дима, – засмеялась я. – Неужели ты думаешь, что я тебя забыла? Откуда звонишь? Я через час заканчиваю, может быть, встретишь меня?

– Конечно, – а в голосе такая радость, кого хочешь умилит.

Он был на машине ярко-красного цвета. Ничего подобного я в жизни не видела.

– Неужели сам собрал? – ахнула я.

– Сам, – Димка даже покраснел от удовольствия.

– На такой красавице ездить страшно. – Я нахваливала машину и Димку и смотрела ласково, а он волновался и явно не знал, что со мной делать. Пришлось прийти на выручку.

– Дима, ты извини, я голодная, как волк. Может, заедем куда, перекусим?

Поехали в ресторан, сидим, друг на друга смотрим, разговариваем. Пришлось признать: Димка мне нравится. Есть в нем что-то такое, от чего сердце сладко ноет и душа поет. А он мне все «вы» да «вы».

– Дима, – говорю, – я что, очень старая?

– Нет, – испугался он.

– А чего ты мне все «вы» говоришь?

Он улыбнулся.

– Не знаю. Вы… ты… как королева… я думал, такие женщины только в кино бывают.

– Это все тряпки. Увидишь меня в халате, и я покажусь такой невзрачненькой, что смешно станет.

– Невзрачненькой? – улыбнулся он. – Это слово тебе не подходит.

На следующий день мы опять встретились, когда муж был в театре. Летела как на крыльях, смех, да и только. Катались весь вечер по городу, болтали, я улыбалась и смотрела по-особенному, а он мне на прощание руку жал. Забавно.

На досуге я поразмыслила и решила, что пора показаться ему в халате. Сама ему на работу позвонила. Фамилии его не знала, но дама я настойчивая, потребовала Димку, слесаря. Нашли.

– Дима, – голос у меня ласковый, медовый, – это Лада. Хочу тебя в гости пригласить. Как ты на это смотришь?

– А как же… – начал он и осекся. – Хорошо я на это смотрю.

– Адрес запиши, – засмеялась я.

Уже года два, как Аркаша мне квартиру купил, там мы с ним и встречались, не грех было ее разок использовать в свое удовольствие. Дима больше вопросов не задавал, пришел минута в минуту, с цветами, шампанским и конфетами. Я открыла в халате, сказала «привет» и чмокнула его в щеку. Он покраснел, его руки забавно дрожали.

– Как я тебе в халате? – спросила я, а он ответил:

– Лучше, чем в вечернем платье.

Мы сели за стол, выпили шампанского, о чем-то болтая. Я смотрела на Димку, и сердце у меня то колотилось со страшной скоростью, то замирало. Говорить о пустяках становилось все труднее. На словах спотыкались и торопливо отводили взгляды. Я так волновалась, что бокал опрокинула, залила шампанским Димкины брюки. Вскочила и за полотенцем кинулась:

– Извини, ради бога.

Он засмеялся:

– Ерунда.

Взял меня за руку, сердце у меня застучало где-то в горле, я посмотрела в его глаза и сказала:

– Димка, поцелуй меня, пожалуйста.

Больше мне ни о чем просить не пришлось. Любовник он был восхитительный: нежный и страстный, у любой женщины дух бы захватило. Три часа прошли как три минуты, пора было домой. Я украдкой взглянула на часы, хотела подняться. Он меня за руку схватил, потянул на себя легонько:

– Лада…

Я только улыбнулась и, махнув на все рукой, прижалась к его груди. Через час позвонила домой, муж из театра вернулся.

– Валерочка, – сказала, – я здесь на вечеринку забрела, припозднюсь. Ты не беспокойся, меня проводят.

И опять к Димке.

Поздно ночью, когда я торопливо одевалась, он подошел сзади, обнял и спросил тихо:

– Лада, это ведь все не просто так?

Я замерла на мгновение, повернулась к нему, испуганно посмотрела:

– Глупый, неужели ты сам не видишь?

– Я люблю тебя, – очень тихо сказал он, и я тоже сказала «люблю», а чего не сказать?

Расстались мы с трудом, часа два возле моего дома в машине сидели, раз двадцать начинали прощаться и вновь откладывали расставание еще на пять минут.

Весь следующий день меня трясла любовная лихорадка, к телефону бросалась, как голодная собака, коллеги смотрели с подозрением.

Димка позвонил в три, а у меня уже руки дрожали от нетерпения.

– Димочка, – пролепетала я едва слышно и только что не заревела.

– Лада, – сказал он, голос его дрожал. – Я сейчас приеду. Ты слышишь?

– Да, – ответила я, схватила шубу и бегом кинулась из школы.

Он подъехал через пару минут, не помню, как в квартире оказались…

И пошло… Ни о чем, кроме Димки, я уже думать не могла.

– Прорвало, – усмехнулась Танька, – досиделась. Завязывай с ним, а то Аркаша быстро узнает, оторвут башку твоему хахалю, и тебе достанется.

– Не узнает, – нахмурилась я.

– Хитрости в тебе нет. Чего ты с этим пацаном по городу таскаешься? Полно знакомых, донесут папуле, глазом моргнуть не успеешь.

– А ты не каркай, – разозлилась я, потому что Танька, конечно, была права.

– Слышь, Ладка, ты баба умная, но впечатлительная. Влюбляться тебе никак нельзя. Сгоришь.

Я только махнула рукой.

Прошло недели две. Димка меня, по обыкновению, встретил с работы, и мы поехали на квартиру. Все было как обычно, и ничто не предвещало грозы, пока он вдруг не спросил:

– Чья это квартира?

– Моя, – с легкой заминкой ответила я.

– Но ты ведь здесь не живешь?

Димке врать не хотелось, я подумала и сказала правду:

– Я тебе про папу говорила… Папы нет – есть любовник… богатый.

Сказала и тут же покаялась. Лицо у Димки пошло пятнами, он весь затрясся.

– Ты, ты… – Он стал задыхаться, слово произнести не может. Я заревела и рассказала историю своей жизни, красочно и жалостливо; он хмурился и кусал губы. Расстались мы в этот день как-то холодно, и я вся извелась. Но на следующий день он все же позвонил мне, от сердца отлегло, но не надолго. Димка стал задумчивый, странный, в глазах тоска. Через месяц после нашего

первого свидания сказал:

– Лада, я не дурак, все понимаю… В общем, есть у меня возможность хорошо заработать… Не хотел я этого, то есть я хотел все сам… что-то я не то говорю… Если у меня будут деньги, ты его бросишь?

Я подумала, что не мешало бы мне всплакнуть, и всплакнула.

– Ты ничего не понял, – рыдала я. – Я тебя люблю, я тебя очень люблю.

Димка стоял на коленях, целовал мне руки и только что не плакал со мной.

– Лада, милая, я ведь хочу, чтобы у нас все было по-настоящему, я на тебе жениться хочу.

Эта мысль мне не понравилась.

– Димка, я ж на пять лет тебя старше!

– Ну и что? У меня мама на три года старше отца. Подумаешь! Лучше скажи, ты меня любишь?

– Люблю.

А еще через неделю мы лежали рядом, и Димка сказал:

– Глаза закрой.

– Зачем? – удивилась я.

– Очень ты любопытная.

Когда я открыла глаза, на моем животе лежал большой изумруд в оправе на длинной цепочке. Я ахнула, а потом испугалась.

– Где взял? – накинулась я на Димку.

– Купил, – пожал он плечами.

– Купил? – Я вскочила. – Откуда у тебя деньги?

– Заработал.

– Где, где ты мог заработать такие деньги?

Я разозлилась не на шутку. Димка отнекивался, а потом рассказал путаную историю о мужике, которому надо было срочно отремонтировать помятую машину. История выглядела подозрительно.

– Димка, – сурово сказала я, – ни во что не ввязывайся.

Он засмеялся, погладил мою грудь и спросил:

– Ты меня любишь?

– Конечно, люблю.

– Бросишь его?

– Брошу, только дурака не валяй.

Как Аркаша и обещал, машину я получила к двадцать третьему февраля. Надо было его отблагодарить, и я поехала к Аркаше в контору. Конторой именовали ресторан с дурацким названием «Ну, погоди». Придумал название сам Аркаша и страшно этим гордился. Ресторан был его легальным бизнесом и приносил ощутимый доход, здесь Аркаша проводил большую часть своего драгоценного времени, здесь строил замыслы и отсюда умело пакостил остальному человечеству.

Я припарковала машину, подкрасила губы и отправилась к дорогому другу. Было часа три, в зале пусто, за стойкой, развалясь с кошачьей грацией, сидел Генка Ломов, или попросту Лом. Был он ближайшим Аркашиным помощником по части

пакостей, а здесь числился кем-то вроде администратора. Мозги Лома при желании можно было уместить в спичечный коробок, но подлец он был невероятный, и я предпочитала дружить с ним, как, впрочем, и все, с кем сталкивала его жизнь. Росту Лом был огромного, мускулатуру имел такую, что мог потягаться с некоторыми признанными звездами, рожу наглую и улыбку, как бриллиант в тридцать два карата. Был в Ломе особый бандитский шарм. К природным достоинствам странным образом приплелась любовь к гангстерским фильмам, оттуда Лом позаимствовал привязанность к дорогим костюмам, рубашкам с запонками, гладко зачесанным волосам и белому кашне. За белое кашне местная шпана его особенно уважала. В образ этот он вжился потрясающе, бабы по нему с ума сходили, и, когда по вечерам он вышагивал с ленцой по ресторану, сунув руки в карманы и насвистывая негритянский мотивчик, из всех углов неслись тихие бабьи стоны.

Несмотря на всю эту клоунаду, свое дело Лом знал хорошо, был крут, а если надо, то и беспощаден, боялись его до судорог. Аркаша Лома не любил, потому как рядом с ним выглядел сморчком, а чтоб в глаза помощнику взглянуть, голову запрокидывал чуть ли не на спину и злился страшно, но без Лома обойтись не мог и терпел его.

Генка увидел меня, блудливо улыбнулся и сказал нараспев:

– Ладушка.

– Привет, Ломик, – мяукнула я и подошла вплотную.

Он слегка раздвинул ноги, касаясь коленкой моей ноги, ухмыльнулся еще шире и только что не облизнулся. Я облокотилась на стойку – в таком ракурсе бюст мой выглядел сокрушительно. Лом воззрился на него и все-таки облизнул губы.

– Аркаша здесь?

– Ага. Вчера Косой был. Фейерверк устроил. Старичок наш убытки подсчитывает. Злой как черт.

– А ты чему радуешься?

– А мне что? Я считать не мастер. В школе двоечником был. Мое дело кулаками махать.

Лом посмотрел на свой здоровенный кулак с печаткой на мизинце и любовно его погладил. Я усмехнулась и еще чуть-чуть продвинулась вперед. Лом покосился на дверь Аркашиного кабинета, легонько меня по бедру погладил и опять пропел:

– Ладушка, красавица ты наша. Смотрю я на тебя, и челюсти сводит.

– А ты их разожми.

– Боюсь из штанов выпрыгнуть.

– А ты штаны-то сними, не стесняйся, что я, мужика без штанов не видела?

– Как же, мне Аркаша за тебя враз башку оторвет.

– Ну и что, она у тебя все равно только для красоты. Ты ж ею не пользуешься.

Он опять ухмыльнулся, спросил:

– Старичок тебе «Волгу» пригнал?

– Мне.

– Раскошелился, значит. – Лом снова погладил мое бедро. – Как он с тобой управляется, козел старый, такую бабу ублажить надо, а, Ладушка? Доведешь старичка до инфаркта. Перетрудится.

– Берегу я его, не балую.

Лом засмеялся.

– Стерва ты, Ладка.

– Конечно, стерва, а кто еще с вами, бандюгами, вязаться будет?

– И то верно, – согласился Лом. Тут дверь Аркашиного кабинета открылась, и он сам выкатился.

– Чего вы там шепчетесь? – Он нахмурился. Я подошла к нему и поцеловала в лысину.

– Спасибо за подарок.

Он подозрительно покосился на меня, потом на Лома и сказал:

– Идем, поговорить надо.

В кабинете я села на стол, распахнув шубу.

– Коленки-то убери, – досадливо буркнул Аркаша. – Войдет кто-нибудь.

– Ну и что? Иди сюда.

– Подожди. Вчера Косой был.

– Знаю. Лом сказал.

– Грозился.

– Подумаешь. Иди, я тебя поцелую.

– Да прикрой ты коленки, ну что за баба. Ух, глаза бесстыжие.

– Отстань, надоел.

– Надоел. Только и слышу. О чем с Ломом шептались? Думаешь, не видел, как он задницу твою оглаживал? Мужа тебе мало, а? Что ты перед ним титьками-то трясешь? Ведь просил, просил же…

– Да пошел ты к черту, – сказала я и направилась к двери.

– Подожди… Куда ты?

– Домой. Тошно мне от тебя. Приехала за машину спасибо сказать, а ты, как филин, ухаешь.

Аркаша подкатился ко мне колобком.

– Ладуль, кто у тебя на квартире был?

– Сдурел? – вытаращила я глаза.

– Вчера заезжал. Пустые бутылки из-под шампанского, накурено.

– Девичник устраивала.

– Врешь. Вижу, что врешь. Узнаю чего… Молодого захотелось, да?

– Захотелось, захотелось, – вздохнула я и стала в окно смотреть. – Ты бы, зануда, спасибо сказал, что я с тобой столько лет живу и ни разу тебе не изменила. Докаркаешься, начну таскать на квартиру кого попало.

– Я тебе потаскаю… – начал Аркаша, но закончить не успел, в комнату кто-то вошел и сказал:

– Привет, пап.

Обращение «пап» было так забавно, что я с любопытством оглянулась и замерла с открытым ртом: на пороге стоял Димка.

– Привет, – брякнула я и улыбнулась. Димка вытаращил глаза.

– Проходи, сынок, – засуетился Аркаша, взглянул на меня и недовольно буркнул: – Иди отсюда.

Я выплыла из кабинета. В голове моей все перепуталось. Димка – Аркашин сын… А я-то хороша, могла бы поинтересоваться фамилией любимого, да и всем остальным тоже. Ситуация мне не нравилась. Что, если Димка сдуру все расскажет отцу? Прощай, денежки.

Я покосилась на Лома. Он все еще сидел за стойкой и мечтательно разглядывал потолок. На всякий случай его стоило пригреть. Я подошла и села рядом.

– Старичок не в духе? – спросил Лом.

– Не в духе. А кто это к нему пожаловал?

– Димка-то? Сын. То от папаши нос воротил, не желал знаться, а тут забегал. Папа понадобился. Аркаша взялся его натаскивать. Династия. А я вчера в театре был.

– О господи. Как тебя занесло?

– Мужа твоего хотел посмотреть. Любопытно. Красивый мужик.

– Ага. Ален Делон.

– Не знаю такого. Видать, не из наших.

– Видать, Ломик, видать.

– Все дразнишь? – пропел Генка.

– Дразню. – Я сунула руку под его пиджак, Лом ухмыльнулся, глаза стали маслеными, он обхватил меня коленками и шепнул: – Сдурела? Увидят.

– Так нет никого.

Лом притянул меня поближе, зашептал горячо:

– Приходи ко мне, слышишь? Ты ж знаешь, как я тебя хочу. Как увижу тебя, выть хочется. Ну на кой черт тебе этот хрыч, а? Я тебя так ублажу…

– Ага, – хмыкнула я, – сам говорил: Аркаша голову оторвет.

– А ну его к черту.

Аркаша, легок на помине, выкатился из кабинета, а за ним Димка, полоснул меня взглядом и исчез за дверью. Аркаша потрусил к нам.

– Все обжимаетесь…

– Разговариваем, – ухмыльнулся Лом.

– Вижу, как вы разговариваете.

Я разглядывала его круглую физиономию, силясь отгадать, проболтался Димка или нет? Кроме обычного выражения ласковой глупости, на нем ничего не было.

– Это кто? Неужто сынок твой? – спросила я.

Аркаша нахмурился.

– Разглядела, кошка. Успела задницей крутануть.

– Не может быть у тебя такого сына. Откуда? Высокий, красивый.

– В отца, наверное, – хмыкнул Лом и тут же добавил: – Ну, пошутил…

– А Ломик прав, – мяукнула я, – наставила тебе рога лет двадцать пять назад дражайшая половина.

– Ты сына не трожь, – грозно сказал Аркаша, и выглядел он при этом страшно забавно. Лом фыркнул и отвернулся, а я ресницами взмахнула пару раз, в глаза дурнинки напустила и сказала ласково:

– Сынок у тебя, Аркаша, красавец и на тебя похож. Что-то есть, правда. Глаза, да, Ломик?

– Точно. И волосы. – Лом радостно хрюкнул и на Аркашу покосился, а тот на меня.

– Ты на сына не смотри, слышишь? Я серьезно. Он парень молодой, кровь горячая, а ты своей задницей так накручиваешь, аж ресторан ходуном ходит. Чего ты вообще сюда приехала, я что, звал?

– Нет. Теперь и позовешь, не приду. – Сделав свирепое лицо, я направилась к выходу. Здесь меня Аркаша и перехватил.

– Ладушка, ну прости, Косой достал, ты с Ломом обжимаешься, Димка тебя увидел, неловко перед сыном. Ты бы поскромнее. Ну чего из юбки-то вылазить, а? Он мать любит, а ты… Ходишь точно кошка. Неудобно.

– Утомил ты меня, Аркаша, – сказала я. – На тебя не угодишь. То дай поглажу, то коленки убери, то соскучился, то не звал. Пошлю-ка я тебя к черту. Подумай на досуге, чего тебе от меня надобно, и позвони.

Одно было хорошо: Димка промолчал. Следовало его найти и поговорить. Аркашин домашний телефон я знала и воспользовалась им. Трубочку сняла матушка, ласково со мной поговорила и Димку позвала.

– Дима, – голосок у меня стал тоненький, аж звенит, – нам встретиться надо. Приезжай.

– Нет, – отрезал он, а я заплакала.

– Приезжай.

– Не жди, не приеду, – и повесил трубку.

Где не приехать, приехал. Правда, часа через два и во хмелю. Глаза мутные, смотрел исподлобья, прошел, сел на диван. Я пристроилась в ногах, за руки его

схватила и сразу реветь. Он горестно помолчал, погладил меня по волосам и сказал:

– Знаешь, как тебя мать зовет? «Отцова сука».

Положим, с их маменькой у нас старые счеты, но говорить ей так все же не следовало.

– Пусть зовет как хочет. Я люблю тебя.

– Господи, Ладка, ты и отец. Не могу поверить. Скажи, все это время ты и с ним…

– Нет, – зарыдала я, тряся головой. – У нас с ним давно ничего нет. Старенький он стал, не до того…

Димка дернулся и рявкнул:

– Замолчи, замолчи, слышишь…

– Дима, мальчик мой, – зарыдала я еще громче. – Чего ты себе душу-то рвешь? Ну случилось и случилось, что же теперь?

– Ничего ты, Ладка, не понимаешь. Как я тебя в дом приведу, отцову суку, как?

«Так и не надо», – очень хотелось сказать мне, но это было не к месту, а ничего другое в голову не шло. Я стала Димке зажимать рот губами, чтоб помолчал немного, потом начала торопливо расстегивать его штаны.

– Перестань, – сказал он, но не убедил меня, и кончилось все так, как я и хотела.

Мы лежали обнявшись, Димка оглаживал мою грудь.

– Поговорю с отцом. Побесится и простит. Мать жалко, конечно, а что делать?

Мне это очень не понравилось.

– Подожди, Дима, я сама с ним решу. У меня лучше получится. Ты только не торопи меня. Я все сделаю, вот увидишь, все хорошо будет.

Димка начал возражать, но я от его губ переместилась вниз, и его хватило минут на десять, потом он про Аркашу забыл, сладко постанывал, шептал «Ладушка» и в конце концов со всем согласился.

– Надо ж так нарваться, – клокотала Танька, – из всех щенков в городе выбрать Аркашкиного! Черт попутал, не иначе. Ладка, завязывай с ним, засветишься. Хочешь, я тебе мужика подсватаю? Высоченный, и весу в нем килограммов сто двадцать, ей-богу. Огонь мужик. Хочешь?

– Ты, Танька, дура, прости господи.

– А ты умная? Ну что тебе Димка, свет клином на нем сошелся? Да таких Димок по городу собирать замучаешься. Это ты с непривычки так к нему присохла. Пригрей другого, третьего, и все пройдет. Учись у меня.

– Отстань, Танька, Димку я не брошу. Хочу, и все.

Танька тяжко вздохнула.

– А мой-то недоумок тоже в бандюги подался… Дружки, мать его… Ошалел от денег, еще и хвалится. Недоумок, как есть недоумок. Морду отожрал, а мозгов не нажил. И откуда у Аркаши такой сын? Черт плюгавый, смастачил же. Боек был по молодости папашка.

В одном Танька была права: засветиться мы могли запросто. Следовало соблюдать осторожность. Я уговорила Димку встречаться пореже, да какое там! Стоит ему позвонить, у меня уже коленки трясутся.

– Лада, – говорит он, – просто увидимся, в машине посидим.

Как же, посидишь.

– Поедем, хоть на полчасика.

А в квартиру вошли и все на свете забыли. Я у Аркаши недели три не появлялась. Знаю, что съездить надо, а душа не лежит. Все мысли только о Димке. После Восьмого марта он за мной заехал на работу.

– Ладушка, соскучился.

У меня с утра было дурное предчувствие, знала, что не нужно на квартиру ехать, но послушалась Димку, и мы поехали.

Димка на коленях возле постели стоял и мои бедра языком нализывал, а я руками простыни мяла и сладко поскуливала. Та еще картина. Тут черт и принес Аркашу. Вкатился в комнату и заорал:

– Ах ты, сука… Чуяло мое сердце, чуяло.

Димка дернулся, поднял голову от моих коленок, и Аркаша охнул:

– Сынок… – да так и замер.

Димка стал торопливо натягивать штаны, Аркаша хватал ртом воздух, а в дверях Лом подпирал спиной косяк и ухмылялся. Я перевернулась на живот, положила головку на ладошки, задницу приподняла и мурлыкнула:

– Ломик, ты что ж в дверях-то стоишь, как не родной, ей-богу.

Лом хохотнул и на Аркашу покосился. Тот в себя пришел.

– Оденься, потаскуха, смотреть на тебя тошно.

– Перестань, отец, – подал голос Димка.

– Сынок, – запричитал Аркаша, – ну что ты с ней связался, стерва она. Ведь все нарочно делает, из подлости, чтоб досадить. Ты думаешь, она с тобой спит так просто? Деньги ей нужны. Шлюха она, шлюха, сука бессовестная. Ты посмотри

на нее, вон развалилась, кошка блудливая, подходи и бери кто хочешь, только деньги плати.

– Замолчи! – Димка пятнами пошел, глаза горят, а Аркашка рядом с ним пританцовывает.

– Сынок, облапошит она тебя, помяни мое слово. Да если б я знал, что у вас по-хорошему, да разве ж я… Ты ведь мне сын и всего на свете дороже. Только ее-то я знаю как облупленную. Погубит она тебя.

– Уйди, отец, – стиснув зубы, сказал Димка. – Прошу, уйди.

И тут Аркашка-стервец номер выкинул: взял и заплакал. Слезы по его глупому лицу покатились, а он жалобно так заговорил:

– Дима, сынок, на что она тебе! Ты молодой, у тебя все впереди, будут у тебя еще бабы, а мне, может, и осталось совсем ничего. Одна у меня радость в жизни, вот эта сучка. Прикипел я к ней.

На Димку смотреть стало страшно. Грудь ходуном заходила, глаза больные, бросился бежать вон из комнаты, схватил куртку, хлопнул дверью.

– Сукин ты сын, – сказала я Аркаше. – Родного сына в дураках оставил. Мастер. Что-то тошно мне с вами, пойду в ванную, а вы выметайтесь.

Пошла мимо Лома, он на меня глаза пялил вовсю, а морда довольная.

– Что, Ломик, – сказала я ласково, напирая на него грудью. – Твоя работа?

Он облизнулся, а Аркаша заорал:

– Уйди отсюда, уйди, пока не убил.

Следовало найти во что бы то ни стало Димку. А он исчез. Раз пять домой звонила, трубочку маменька брала: «Димы нет». С утра возле их дома в машине

сидела, из автомата звонить бегала. Из дома он не выходил, и дома его, по словам матери, нет. Ясное дело, врет. Плюнула на все и пошла к нему. Маменька дверь открыла, увидела меня и глаза вытаращила:

– Ах ты, бесстыжая!

Я сделала шаг и рявкнула во весь голос:

– Димка где?

– Нет его, уехал.

– Врешь. Дома он.

– Уходи немедленно, милицию вызову.

– Вызывай. Не уйду, пока Димку не увижу.

Тут он и появился. Видок у него как с перепоя, глаза больные, лицо бледное.

– Идем, – сказала я и к выходу, он за мной, а маменька за ним.

– Дима, не ходи с ней, – закричала.

– Мама, успокойся, я сейчас, – ответил он.

Меня трясло так, что зуб на зуб не попадал; спустились мы на один пролет, у окна встали. Родительница все ж таки выскочила.

– Мама, – попросил Димка, – не надо весь подъезд по тревоге поднимать. Я сейчас.

Дверь она закрыла неплотно, подслушивала, язва. Мне, впрочем, на это было наплевать.

– Дима, – заплакала я, – не бросай меня, пожалуйста.

Он отвернулся.

– Тебе обязательно надо было себя шлюхой выставлять?

– А что мне делать? В ногах у родителя твоего валяться? Не дождется.

– Грязно все это, – сказал он, поморщившись, а я дернулась, точно меня ударили.

– Я тебя не обманывала. Ты знал с самого начала.

– Знал, только не про отца.

А у меня мысли путались. Надо было что-то сказать, убедить его, заставить со мной поехать, а я только смотрела на него во все глаза, чувствуя, как сердце рвется на части. Протянула к нему руку, позвала:

– Дима.

Он дернул головой:

– Не надо.

Я бросилась бегом по лестнице, думала, за мной кинется, позовет… Не кинулся и не позвал. Я выскочила из подъезда, успев услышать, как хлопнула дверь в его квартиру. Села в машину, реву, слезы, как горох. Поехала к Таньке на работу, наревелась вдоволь, дождалась, когда муж в театр уйдет, и домой отправилась, опять реветь.

Едва приехала, как в дверь позвонили. Я кинулась со всех ног открывать, думала, может, Димка, а это Аркаша.

– Уйди! – крикнула я ему. – Уйди, мерзавец, видеть тебя не хочу.

Села на диван, лицо в подушку зарыла, а Аркаша в ногах пристроился и ласково запел:

– Ладушка, не плачь, радость моя. Ну что тебе Димка, только и хорошего в нем что молодость. А я-то тебя как люблю, а, Ладушка? Мне-то каково? Давай мириться.

– Уйди, подлюга, – заорала я, – тошно мне от тебя. Умру я без Димки.

– С чего умирать-то, Ладушка? А я к тебе с подарочком. Поезжай в круиз по Средиземному морю. Слышишь, Ладуль, отдохнешь, загоришь, тряпок купишь. Ладушка, красавица моя, ну погуляй, развейся, я ж не против, слышишь? Поезжай, а я тебя ждать буду. Приедешь, и все у нас по-старому пойдет. Все хорошо будет.

Из круиза я вернулась в начале мая. Позвонила Таньке. Она прибежала за подарками, ну и барахло посмотреть, само собой.

– Ладка, загар – убиться можно, выглядишь – класс. Аркаша тебя заждался, дни считает. Когда, говорит, Ладуля приедет? Ты ему звонила?

– Завтра, – отмахнулась я. – Танька, как тут Димка?

– А что Димка? Хорошо. Бабу завел. Во-вка рассказывал. Студенточка какая-то, говорит, ничего. Конечно, с тобой ей и рядом не стоять, но девахе девятнадцать годков, сама понимаешь. Вовка говорит, он ее из института встречает, к себе домой приглашает. Любовь. Мужик-то, что я говорила, цел. Хошь, посватаю?

– Отстань.

– Да на хрена тебе Димка? Свет в окошке. Добро бы дело. Мой вон, стервец, пропадал три дня, говорит, машину новую обмывал, чай, с бабами шарахался. Все они козлы… Я своего поперла. Прибегал мириться, в ногах валялся. К себе больше не возьму, пусть с мамашей живет, недоумок.

– А чего вообще держишь?

– Как не держать? Привыкла, жалко. Опять же, пропадет без меня. Ну какой из него бандит, его курица облапошит. Одно слово – недоумок. Лом про тебя

спрашивал, говорит, скучает.

– Он все и подстроил, подлюга. Я его достану.

– Не связывайся с ним, себе дороже.

С Ломом все-таки надо было разобраться, Димку я ему ни в жизнь не прощу. Приехала я как-то в контору, в баре Пашка сидел, по части где чего достать – первый человек. Я к нему подсела. Пашка улыбался, меня разглядывал, и я улыбнулась, ласково так, и попросила:

– Паш, наручники достань.

– Наручники? – вытаращил он глаза. – Зачем?

– Да в кино один прикол видела, хочу папулю порадовать.

Пашка хмыкнул:

– Ясно. Достану.

– Когда?

– Да завтра приходи, принесу.

Принес. Тут и Аркашка весьма кстати в Москву собрался, проводила я его – и в контору. Утро, народу ни души, Лом с мужиками в подсобке резался в карты. Я вошла и заулыбалась с порога.

– Привет, мальчики.

Лом оглядел меня с ног до головы, облизнулся и пропел:

– Ладушка…

– Ломик! – Я подошла поближе, чтоб он мои коленки чувствовал, колыхнула бюстом и сказала: – Аркаша уехал, а мне деньги нужны.

Лом ничего спрашивать не стал, молча бумажник протянул. Я денежки отсчитываю, он как раз партию доигрывал и говорит:

– Бери все.

Я и взяла. А чего не взять, если дают? Бумажник вернула.

– Спасибо, Ломик, – говорю ласково, – Аркаша приедет, отдаст.

И пошла. Лому карты враз неинтересны стали. Догнал он меня в коридоре.

– Ладушка.

Я у стеночки встала, улыбаясь. Лом подошел, руками в стенку уперся возле моих плеч, посмотрел шалыми глазами. Я бюстом еще разок колыхнула, так, для затравки, и мурлыкнула:

– Руки убери, увидит кто.

– Да нет никого, – шепнул он, обхватывая меня своими ручищами. – Ладушка, давай по-хорошему, а? Поехали ко мне, думаешь, я хуже Димки? Да я тебя так ублажу… а, Ладушка?

И сразу ко мне под подол полез, рожа стала багровая, руки потные, а я коленочку к его бедру прижала.

– Поехали, – хрипит.

– Аркаша узнает, – шепнула я, а сама ему шею нализываю.

– Да черт с ним, поехали.

– Да подожди ты, мужики увидят.

– Я им башки враз поотшибаю, не бойся.

– К тебе не поеду. Ко мне приезжай.

– Когда?

– Часа через два.

– Да я свихнусь за это время.

– Ничего, в самый раз будет.

Лом все-таки меня выпустил, я подол одернула и бежать.

Через два часа он явился, с шампанским, шоколадом, жратвой на целую роту, а самое главное, с букетом роз. Все-таки Лом мужик забавный. Я встретила его в пеньюаре, грудь под кружевом выглядела весьма эротично. Он затрясся и сразу полез ко мне.

– Да подожди ты, господи, – разозлилась я. Взяла его за руку и потянула к тахте. Лом, как на учениях, за две секунды пиджак с рубашкой стянул и меня глазами жрет, за штаны принялся, но я его остановила:

– Подожди, я сама. Ложись.

Он бухнул свои сто килограммов на тахту, ножки слегка подогнулись, а пол затрясся. Я сняла пеньюар, Лом только охнул. Торопиться я не стала, попросила:

– Руки откинь назад.

– Зачем? – удивился Лом.

– Узнаешь, – шепчу я.

Он руки за голову закинул, а у меня уж все заранее приготовлено: наручники за трубу от батареи продернуты и подушечкой прикрыты. Я щелкнула наручниками, а Ломик удивился:

– Зачем?

– Мне так больше нравится.

Он хмыкнул, повел шалыми глазами:

– Выдумщица.

Ломик лежал в наручниках, а я с него снимала штаны. Не спеша. Он поскуливать начал и спину поднимать. А я ноги ему нализывала. Добралась до левой щиколотки, ремешком ее зацепила и привязала покрепче к ножке тахты. И по правой ноге поехала. Лом сначала выл, потом заорал:

– Ладка, иди ко мне, слышишь?!

– Сейчас, – ответила я ласково.

Зацепила вторую ногу, нежно поцеловала его в пупок и спрыгнула с тахты на пол, подняла с пола пеньюар. Ломик глаза выпучил.

– Отдыхай, сокол, – сказала я. – Съезжу в контору, мужики тебя освободят, узнаешь, как перед народом без штанов лежать.

Лом ни грозить, ни уговаривать не стал. Глазами полоснул, кадыком дернул и спросил:

– За этим звала?

Рожа у него была – страшнее не придумаешь. Я почувствовала настоятельную потребность обдумать ситуацию, затопталась по комнате, время тянула. Над мозгами Лома можно потешаться сколько угодно и дразнить его этим бесконечно, но вот мужское достоинство задевать не следовало. Ни в жизнь не простит. Я покосилась на Лома: глаза горят, челюсти сжаты… Самое

невероятное – он все еще хотел меня. Я подошла ближе, а он почувствовал что-то, хрипло позвал:

– Иди ко мне, быстро, ну?

– Уйдешь тут, как же, – досадливо сказала я и у него между ног устроилась. Темперамент у Ломика будь здоров: не Аркаша, не муж и не Димка. Лом стонал, я повизгивала, одно слово: зоопарк. Я ему грудь целую, а он ко мне тянется, орет:

– Развяжи мне ноги, твою мать, неудобно…

Пришлось развязать. Он стиснул ногами мою задницу, ноги у него железные, я только охнула. Волосы мне на глаза падают, воздуха не хватает, Лом весь в поту, нижняя губа в кровь искусана.

– Сними, наручники, – просит, – я тебя приласкаю.

Словечко показалось мне двусмысленным, я на его лицо воззрилась, силясь отгадать, какой пакости от него следует ждать, а у него глаза мутные, губы свело, видно, не до пакостей сейчас человеку.

– Да сними ты эти наручники, черт тебя дери, без рук кайф не тот.

Я решила рискнуть, сняла их и в угол бросила. А Лом на меня кинулся, как стая голодных волков. Неутомимый у нас Ломик.

Уже поздно вечером мы сидели на кухне. Я пила шампанское, Лом стакан водки хватил, усадил меня к себе на колени и запел:

– Ладушка, красавица моя, ну что, ублажил?

Я поцеловала его, похвалила за старательность, а он сказал:

– Нам с тобой друг друга держаться надо. Слышь, Ладуль, я серьезно. Мало ли чего с Аркашкой… Кто у дела будет? Я, может, мозгами не очень, ну так и не лезу, а ты баба умная. Ладушка, я ведь знаю, Аркаша без тебя шагу не сделает,

ты у него первый советчик, все дела знаешь. А я в этой бухгалтерии ни черта не смыслю. Давай дружить. Мы вдвоем с тобой таких дел наворотим, все деньги наши будут, а, Ладуль?

– Чего это ты Аркашу хоронишь? – удивилась я.

– Так давление у него. Жаловался.

– Кого ты слушаешь? Он нас с тобой переживет.

– Да на черта он нам, козел старый. Не надоел он тебе? Ты подумай, Ладуль, ну чего этому черту все: и баба такая, и деньги. Инфаркт я ему мигом устрою, ты только шепни.

Слова Лома меня слегка настораживали: эдак он завтра вспомнит, что тут нагородил, и с перепугу голову мне оторвет. Надо было что-то придумать.

– Ломик, – я время тянула, целовала его и грудью терлась, – скажи мне слова.

– Какие?

– Ну, какие мужчина женщине говорит.

И Лом сказал. Слов пятнадцать, десять из них порядочная женщина даже мысленно повторить не сможет. Я покраснела, а Лом заржал.

– Ладушка, радость моя, я ведь по-хорошему с тобой хочу. Поженимся, все деньги наши будут, слышь? Я ведь знаю, ты баба честная, сколько лет с Аркашкой жила и ему не изменяла, я ж приглядывал. А Димка, понятное дело, что ж тебе была за радость со стариком… Со мной все по-другому будет. Ты, может, думаешь, я бабник? Да на хрена они мне, ну лезут, суки, лезут, я ж один живу. Почему я до сих пор не женился, а? Я тебя жду, век свободы не видать, если вру. Слышишь, Ладушка?

– Слышу, – вздохнула я.

– Так что скажешь?

– Считай, я в деле. Только вот что, горячку не пори, здесь по-умному надо… Я к делам присмотрюсь получше, вникну, чтобы разом все к рукам прибрать.

– Хорошо, Ладуль, как скажешь.

– И от меня подальше держись, – попробовала я внести ясность. – Аркаша не дурак, смекнет, в чем дело.

– Понял, – кивнул Лом. – Завтра увидимся? Приезжай ко мне, слышишь?

– Ломик, хочешь дело делать, о сексе забудь, – наставительно сказала я.

– Как забыть, – ужаснулся он, – ты что, Ладушка, да на черта мне тогда и деньги?

Да, трудно было говорить с распаленным страстью Ломом.

– Надо поосторожней, меня слушай, скажу можно, значит, можно. Понял?

– Завтра, да? – спросил Лом, заглядывая мне в глаза.

– С ума сошел? Ты меня вообще-то слышишь?

– Но сегодня время-то еще есть?

Прошел месяц. Димку я так ни разу и не видела. Душа изболелась. В начале лета пришла в контору. Лом тосковал на диване. Я села на стол напротив него, ногу на ногу закинула.

– Где Аркашка? – спросила.

– Здесь. Суетится. Радость у нас, сына женим.

– Димка женится? – Как ни ударила меня новость, но перед Ломом я сдержалась, спросила спокойно.

– Ага. Старичок наш рад, до потолка прыгает. Студентка, спортсменка и просто красавица. Порядочная. На порядочность старичок особенно напирал, видать, уже испробовал.

– А где гулять будут, здесь?

– Обижаешь, сына женим, один он у нас. В «Камелии». Старичок народу сгоняет, целый табун.

– Ты пойдешь?

– Конечно. Кто ж за порядком следить будет?

– Да когда свадьба-то?

– Послезавтра. Старичок по горло занят, слышь, Ладуль? Поедем ко мне?

Лом поднялся, руки мне под подол сунул и целоваться полез.

– Ломик, ты опять за свое, – мурлыкнула я. – Ведь договорились.

– Договорились, договорились, не могу я. Хлопну папулю, надоел, прячься от него, больно надо. Без трусиков?

Лом наклонился, лизнул мне ногу, усмехнулся блудливо:

– Хочешь?..

– Я тебя, черта, как вспомню, на стенку лезу.

– Ладуль, ну чего ты…

– С ума сошел, Аркаша увидит.

– В машину пойдем, на пять минут, а? Сил нет.

– Потерпи до Димкиной свадьбы.

– На всю ночь? – хмыкнул Лом.

– На всю, да пусти подол-то, – разозлилась я.

Аркаша в кабинете на калькуляторе что-то высчитывал, увидев меня, заулыбался. «Сейчас ты у меня улыбаться перестанешь».

– Денег дай, – сказала я.

– На что? – спросил он, подхалимски улыбаясь.

– На все.

– Ладушка, сына женю, прикинь, какие траты.

– Чего на свадьбу не зовешь?

Аркаша заерзал.

– Сама подумай…

– Ты что ж, стыдишься меня, что ли? – вскинула я голову.

– Да господи, да разве ж в этом дело? Только ведь…

– Значит, так, – сказала я, – добром не пригласишь, сама приду. Я вам такую свадьбу устрою, век помнить будете.

Аркаша поерзал, пожаловался на судьбу. Сошлись на том, что я пойду с Ломом, народу много, в толпе меня не заметят. «Как же, не заметят меня, дождешься».

Я вышла из ресторана, коленки тряслись, голова кружилась. Димка женится, не видать мне его. Будет возле жены сидеть, он из таких, чокнутых. Я поехала к Таньке, на кухне Вовка тосковал со стаканом чая.

– Вова, у Димки свадьба? – спросила я.

– Да. Говорить не велел.

– Ты пойдешь?

– Я ж свидетель, пойду.

– Вова, привези мне завтра Димку, слышишь?

– Не пойдет он, не захочет. Я про тебя спрашивал, говорит, все.

– Вова, мне только увидеть его… Привези!

– Да я что. Не пойдет он…

Я перед Вовкой на колени бухнулась:

– Приведи Димку, век должна буду.

– Лад, ты что, встань. Я попробую…

Танька рядом причитала:

– Ладка, не суйся, хрен с ним, пусть со студенточкой трахается, надоест она ему в пять минут. Натворишь дел, ох, чует мое сердце…

На следующий день я в Вовкиной квартире металась, как зверь в клетке. Ждала Димку. Вовкина мать была на даче, Вовка меня привез и за другом уехал. Я ждала, руки ломала. Услышала, как дверь хлопнула, потом Димкин голос. Я вышла, он меня увидел, в лице переменился, Вовка потоптался и сказал:

– Ну, это, пошел я, – и исчез за дверью, а Димка мне:

– Зря ты, Лада, ни к чему…

Хотел уйти, а я в рев и в ноги ему.

– Димочка, подожди, прошу тебя. Пять минут. – Он стоит, на меня не смотрит, а я реву еще больше. – Димочка, я ведь знаю, женишься, ты ко мне не придешь. Простимся по-хорошему, ведь на всю жизнь прощаемся. Люблю я тебя, Дима, пожалей меня…

Я ему руки целовала, а он губы кусал, попросил жалобно:

– Лада, пожалуйста, не надо. Тяжело мне.

– Димочка, последний раз, последний раз…

Он хотел меня поднять, а я ему в шею вцепилась, потянула за собой на пол, торопливо целуя.

– Возьми меня, – попросила, срывая одежду.

Куда мужику деваться?

Обоих трясло, лежали обнявшись, я глаза открыть боялась. Димка меня поцеловал и шепнул тихо:

– Пошли в Вовкину комнату.

Время пролетело, я и в себя не успела прийти.

– Уходить мне надо, – тихо сказал Димка, я обхватила его за плечи и попросила:

– Еще полчасика, и пойдешь.

Часы пробили одиннадцать. Тут уж я сама ему сказала:

– Иди, Дима, поздно, – отвернулась, слезы глотаю. Он ко мне прижался:

– Лада, уйду в двенадцать.

Не ушел. Только в четыре утра поднялся, стал одеваться.

– Ты ее не любишь, – сказала я, сидя в постели. – Зачем жизнь себе и мне калечишь? Ты меня любишь.

– Люблю, – вздохнул он. – Только теперь не переиграешь.

А я на нем повисла, зашептала жарко:

– Давай уедем вдвоем, слышишь?

– Господи, Лада, сегодня ж свадьба, гостей до черта. И Светка.

– Что Светка? Ее тебе жалко, а меня нет? Неужели жизнь свою погубишь, для того чтобы какие-то балбесы на твоей свадьбе напились, наелись? Уедем, Дима, на юг, пусть тут без нас разбираются. Вернемся через месяц, все поутихнет. Вместе жить будем.

– Лада, – Димка встал на колени, в плечи мои вцепился, – поклянись, что отца бросишь.

– Брошу, Димочка, – торопливо закивала я, – брошу, с мужем разведусь, ребенка тебе рожу, все сделаю, что захочешь, только поехали.

– Едем, – сказал он. – Машина под окном.

– К Таньке надо, денег занять.

Танька поначалу обалдела, принялась орать, но быстро выдохлась и рукой махнула, дала денег. Я изловчилась и мужу позвонила, так чтобы Димка не слышал. Не помню, что ему плела. Валерка первый раз в жизни на меня наорал, а я трубку бросила.

На юге мы пробыли почти месяц, Танька присылала деньги. Жили как в сказке. Только все равно пришлось возвращаться. Приехали вечером.

– Домой надо, – сказал Димка. – Сейчас начнется. Завтра увидимся?

– Конечно.

– Где?

– На квартире.

Простились, и я поехала к Таньке.

– Как тут? – спросила.

– Пожар в джунглях, – затараторила она. – Че было… Аркаша чуть умом не тронулся, гостей назвал, а женишка-то нет. Ух и матерился, и мне досталось. Потом прибегал, чтоб пригрела, ну, я его по старой памяти осчастливила. Жаловался: «Ладка, стерва, меня бросила и сына увела». А Лом чего выделывал… Ты, душа моя, случаем с ним не трахнулась?

– Сдурела? – первый раз в жизни соврала я Таньке.

– Такой концерт устроил, всех из кабака разогнал, сколько челюстей сломанных, не рассказать. Потом нагнали баб табун и загуляли: он, Пашка, Святов и Лешка Моисеев. Три дня гудели, никто сунуться не смел. Потом пропал, неделю не показывался и на Аркашу наорал: говорит, придушу твоего щенка. Если ты ему свои прелести не засветила, с чего б ему так беситься?

– Засветила, Танька, – покаялась я.

– Вот дура, говорила: не связывайся. Подлюга ведь. Ну, теперь он тебя достанет, и Димку твоего…

– А сейчас-то как?

– Да не бойся. Успокоились. Сколько шуметь-то можно? Аркаша на днях сказал: уж хоть бы вернулись.

– Ну и слава богу, – вздохнула я.

От сердца отлегло. Вот только Лом… но и с этим как-нибудь справлюсь.

Аркаша у меня появился с утра, я сначала испугалась, но он прямо с порога сказал:

– Не бойся, не скандалить.

Сели на кухне, я всплакнула на всякий случай. Аркаша вздохнул тяжело.

– Ну, чего тебе не хватало? – спросил тихо.

– Прости ты меня, – попросила я. – Люблю я Димку. Отпусти ты нас по-хорошему.

Аркаша поерзал, на меня покосился.

– Ах, Ладушка, надоест ведь он тебе, бросишь… Жалко парня.

– Я за него замуж пойду.

Тут Аркаша подпрыгнул.

– Замуж? Да на кой черт он тебе? Думаешь, я вас кормить буду? Не дождешься.

– И не надо, – фыркнула я. Он подумал, грудь почесал.

– Ладуль, давай по-доброму. Поживите годок как есть, в любовниках. Если ты его за это время не погонишь, так и быть, женитесь, свадьбу сыграем. И весь этот год деньги будешь получать, как раньше. Идет? Ну чего торопиться-то, не пожар. Мало ли что. Может, ко мне вернешься, ведь люблю я тебя. И с Валеркой пока не разводись, слышишь? Где еще такого мужа найдешь. Не пори горячку, прошу.

Я для видимости немного поотнекивалась и согласилась.

Валерка со мной недели две не разговаривал, спал в гостиной, злющий как черт. Потом подобрел, в спальню вернулся, видно, деньги кончились. При первой же встрече Димка на меня накинулся:

– Лада, ты же обещала…

– Отцу твоему слово дала, чтоб отстал, не верит он, что у нас серьезно. Давай, Дим, по-хорошему с отцом. Мой муж нам не мешает, не живу я с ним. Видеться будем каждый день, год пройдет, оглянуться не успеем, и мама твоя за это время со свадьбой смирится.

Уговаривать его пришлось долго, но в конце концов он согласился, и стали мы жить как раньше. Мутно, зыбко. Я в конторе не появляюсь, Лома боюсь. Димка меня пасет, шагу одна не сделаешь, вопросами замучил: где, с кем, когда придешь. Не Валерочка. Как-то вечером Аркаша пожаловал, а Димка его не пускает.

– Сынок, мне с Ладой посоветоваться надо.

Сел с нами на кухне, ни на минуту не оставил. Аркаша только головой качал.

В середине августа как-то вечером пришла Танька.

– Муж где? – спросила с порога.

– В театре.

– А ты чего дома?

– У Димки дела. Послезавтра встречаемся.

Танька за стол села, от чая отказалась, смотрит как-то чудно. Я терпела, ждала, когда ее прорвет.

– Мой-то вчера пьяненький пришел, еще стакан хватил, болтать начал. Знаешь, кто завтра курьером поедет? Димка твой.

Танька меня за руку схватила, в глаза уставилась.

– Ладка, прикинь, сколько он повезет.

Я руку выдернула.

– Ты что, сдурела?

– Ладка, ты подумай, деньги-то какие, нам с тобой на всю жизнь хватит. Подумай, с такими деньгами, да распорядясь ими с умом, жить можно в свое удовольствие. И рожи эти бандитские никогда не видеть. По-умному отойдем года за два, чтоб в глаза не бросалось, слышишь, у меня и план есть.

– А Димка?

– Что, Димка? Не даст его папаша в обиду. Ну трудно ему будет, я ж не говорю, но ведь не убьют. Ты подумай.

– Танька, да если все сорвется, ты хоть представляешь, что с нами сделают?

– Представляю. Ты-то, может, как-нибудь и отмажешься, а мне каюк. Рискнем, Ладка. Ведь такие деньги, на всю жизнь.

– Вдруг Вовка догадается?

– Да не помнит он ни черта, что говорил, а и вспомнит, молчать будет. Башку-то за треп враз отвернут. Ну, решай.

– Говори, что за план, – сказала я.

– Хороший план, проще не бывает.

На следующий день я сидела в машине рядом с конторой. Наконец увидела, как Димка из ресторана вышел с большой сумкой. По виду тяжелой. Бросилась к нему.

– Димочка…

– Лада, – сказал он, обняв меня, – мне ехать нужно, через час мужики ждут, дело важное.

– Так через час, – я села к нему в машину, обняла и стала целовать.

– Лада, завтра, слышишь… – прошептал он.

– Димочка, мальчик мой, два дня не виделись, извелась вся. Поехали на полчасика к нам, успеешь…

К этому моменту я уже голову на его коленях пристроила.

– О, черт, поехали, – простонал он.

Оставили машину возле дома, сумку Димка взял с собой, я к нему прижималась, тряслась от нетерпения. Он оставил сумку в прихожей, я схватила его за руку, торопливо потянула к постели.

– Димочка.

Орала я под ним, словно меня резали, а сама прислушивалась. Димка на часы взглянул, поцеловал меня.

– Пора, Ладушка, опаздываю. До завтра, слышишь?

Торопливо оделся, а я в постели лежала, смотрела на него и улыбалась. Потом пошла провожать. В прихожей Димка хватился сумки, а ее нет.

– Лада, сумка где? – спросил он испуганно.

– Сумка? – удивилась я. – Не знаю. Ты ее из машины брал?

– Лада, я с сумкой был.

– Да здесь где-нибудь, поищем.

– Лада, – Димка вдруг побледнел, посмотрел на меня, а я стала по углам шарить.

– Давай в машине проверим, – предложила я, – может, там оставил?

– Нет.

– Да что ты из-за нее так расстраиваешься, куплю я тебе сумку, чего ты?

Димка пошатнулся, глазами повел и пошел к двери.

– До завтра, – зашептала я и на его шее повисла.

– До завтра, – пошевелил он белыми губами и ушел.

Вечером мы сидели с Танькой на кухне, от страха у меня зуб на зуб не попадал.

– Догадается Аркаша. План твой дурацкий…

– Дурацкий, а сработал. Отовремся, не боись. Ты под Димкой лежала, сумку спрятать не могла. А кто в квартиру входил, неизвестно. И был ли кто, и была ли сумка. Стоим насмерть.

Услышав звонок в дверь, я в стол вцепилась, Танька полоснула меня взглядом:

– Смотри, Ладка, – и пошла открывать.

В кухню влетел Аркаша.

– Димка где? – рявкнул зло.

– Нет его, – ответила я, – завтра быть обещал. А чего?

– Чего? Или не знаешь?

– Не знаю, – нахмурилась я, чувствуя, как бледнею. – Аркаша, что с Димкой, говори.

– Стервец, мать его, курьером послал, с деньгами… Ни его, ни денег, как в воду канул…

Я за сердце схватилась.

– Аркаша, Димка не вор, что-то случилось…

Аркаша бухнулся на стул.

– Не дурак, понял. Ох, господи.

– Да жив ли он? – ахнула я.

– Не каркай, – вскинулся Аркаша. – Жив, не жив, за такие деньги и его и меня зарежут. Удружил сынок.

– Боже мой, – слезы по моему лицу катятся, зубы стучат, – да что ж ты сидишь-то? Димку спасать надо, деньги собирать. Попроси отсрочку, слышишь? Заплатим с процентами, пусть подождут. Аркаша, делать что-то надо. Машину, квартиру продавать, помоги, слышишь? Без всего останусь, а деньги соберу. Танька, поможешь?

– Да что ж я, зверь, что ли? Помогу. Соберем. Да ты что сидишь? – накинулась она на Аркашу. – Двигаться надо, выручать парня.

– Убить бы его надо, – тяжко вздохнул тот.

– Что болтаешь, что болтаешь? – заорала Танька. – Убить. И убьют, если пнем сидеть будешь. Соберем деньги, заплатим, потом разберемся. И у меня на черный день есть.

– Танька, спасибо тебе, – еще больше заревела я. – Век помнить буду.

– Свои люди, сочтемся, – ответила она.

Ночью позвонил Димка, голос дрожал.

– Лада, плохи мои дела. Спрятаться надо.

– Димочка, – торопливо начала я, – все знаю, Аркаша был… Где ты? Я за тобой приеду.

Кинулась к нему со всех ног. Димка вышел ко мне, бледный, лицо отрешенное. В машину сел, я к нему прижалась, за руки схватила.

– Мальчик мой, не бойся, соберем деньги. Я тебя сейчас спрячу, ни одна живая душа не найдет.

– Лада, ты меня любишь? – спросил он, как-то странно глядя.

– Люблю, очень люблю, – заверила его я.

– Если уехать придется, поедешь со мной?

– Поеду, хоть на край света поеду. Не переживай, все сделаем, с отцом говорили, Танька поможет, соберем.

Ни машину, ни квартиру мне продавать не пришлось. Аркаша деньги нашел, обо всем договорился, в чем я ни минуты не сомневалась. Димку простили, с уговором, что он навсегда отойдет от дел. Оно и к лучшему. Аркаша через неделю ко мне приехал.

– Знаешь, где он? – спросил устало.

– Знаю.

– Пусть возвращается.

– Аркаша, – запела я, кинулась ему на шею, он меня по заднице погладил.

– Эх, Ладка. Ну на что он тебе? Оставил отца без штанов. Я теперь весь в долгах… Сколько ж надо горбиться, чтобы все вернуть.

– Аркаша, – грозно сказала я, – не греши, сын он тебе. Сын, а деньги – тьфу, наживешь. И не прибедняйся. Тебя потрясти, много чего интересного вытрясешь.

– Что хоть случилось-то? – минут через пять спросил он.

– У него спрашивай. Я не знаю. Не до расспросов было, парень едва живой.

В тот же день я съездила за Димкой. Он пошел домой мать успокоить, ну и, само собой, от отца нагоняй получить. Через неделю опять на станцию техобслуживания устроился, и все помаленьку утряслось.

– Ты чего отцу соврал? – как-то спросила я.

– О чем?

– О сумке.

– Я правду сказал: потерял. Так и было.

– Вот я и спрашиваю, зачем соврал, почему не сказал, что у меня в тот день был?

– Тебя-то зачем во все это впутывать? Ни к чему.

– Где же эта сумка? – удивилась я.

Димка посмотрел как-то туманно, пожал плечами.

– Не знаю.

Аркаша деньги давать перестал, сославшись на долги. Димкин заработок был смехотворным. Ворованные деньги мы с Танькой разделили, но трогать опасались. Жить на зарплату было невесело. Димка все на меня поглядывал, задумчивый какой-то стал.

– Лада, плохо тебе со мной?

– Дурачок, мне с тобой так хорошо, что словами не скажешь.

– Может, мне другую работу подыскать?

– Замолчи, все у нас есть, проживем.

Тут я, конечно, лукавила. Без денег было туго, и вообще жизнь не радовала. Разумеется, Димку я любила, но находиться под чьим-то неусыпным контролем двадцать четыре часа в сутки утомительно. К тебе приглядываются, присматриваются, а ты чувствуешь себя едва ли не преступницей. В общем, отсутствие доверия больно ранило мою душу.

Танька проявила понятливость. Уселась на диване, уставилась в угол, потосковала, сказала с тяжким вздохом:

– Да. Невесело.

– Куда уж веселее, – разозлилась я, садясь рядом.

– Обидно, – кивнула подружка, – баксов черт-те сколько, а ведь не попользуешься…

– Молчи уж лучше.

– На меня-то чего злиться? – Танька опять вздохнула. – Что, Аркашка денег не дает?

– Не дает. Говорит, сынок по миру пустил.

– Врет.

– Конечно.

– Это он тебя выдерживает, мол, затоскует Ладушка без денег и ко мне вернется.

– Еще чего… Я Димку люблю.

– Да я знаю, знаю… А я вчера у Петрушина на даче была. У художника. Я тебе про него рассказывала?

– Рассказывала, – проворчала я.

– Уехал он в Германию…

– Скатертью дорога…

– А дачу, значит, мне оставил. То есть на время, конечно, покуда не вернется. Присматривать… ну и попользоваться…

– У тебя что, дачи нет?

– Такой, может, и нет. В подвале за шкафом стена отодвигается, веришь? И там помещение, большое. А из него еще ход, подземный. Метров пять, выходишь за огородом. Скажи – класс?

– Глупость какая, – покачала я головой. – Подземный ход дурацкий, на что он тебе?

– Ну… – туманно как-то сказала Танька. – Интересно. Дом старый. Вадим, то есть художник-то, говорит, что здесь молельня была, какие-то сектанты собирались, вот и нарыли. Врет, поди… А все равно занятно… Хочешь взглянуть?

– Не хочу, – хмуро ответила я.

– Настроение плохое, – кивнула Танька, – я понимаю. Аркашка подлец, и, по справедливости, его бы наказать надо.

– Надо, – усмехнулась я.

– Для Аркашки самое большое наказание – бабок лишиться.

– Лишился он бабок, и что? Нам-то от этого радости мало, коли даже попользоваться не можем.

– Моральное удовлетворение, – пожала Танька плечами. – Опять же, время придет – попользуемся.

Я подозрительно покосилась на нее. Танька помолчала немного, мечтательно глядя в угол, и сказала:

– Я как этот подвал увидела, так всю ночь не спала. Все думала, до чего ж место идеальное.

– О господи, – вздохнула я. – Для чего идеальное, картошку хранить?

– Не-а. Вот, к примеру, мы бы решили кого-нибудь похитить с целью выкупа. Лучшего места, где человека держать, просто не придумаешь. Искать будут, не найдут.

– И кого ты похищать собралась? – усмехнулась я. – Аркашу?

– Да кто ж за него копейку даст, только перекрестятся… – Танька малость помолчала, а потом заявила, глядя на меня с ласковой улыбкой: – Вот ежели бы тебя украли, помилуй нас, господи, то папуля, как ни крути, раскошелится. Не

может он забыть твоих прелестей, тоскует…

Я кашлянула и сказала недоверчиво:

– Чего ты городишь? Кто меня украдет, и на кой черт?

– А мы и украдем, то есть похитим. С целью выкупа. У меня и план есть.

– Ты, Танька, дура, прости господи. Да нам башку оторвут.

– Ну, по сию пору не оторвали, может, и доживем до старости… Скучно, Ладушка, и подлеца Аркашку наказать бы стоило…

– Танька, – укоризненно сказала я, – похищение с целью выкупа – самое опасное преступление. В том смысле, что на каждом этапе завалиться проще простого…

– Так мы ж не дуры какие… Прикинь. Ты отбываешь на дачу и сидишь там тихохонько. Ночью вполне можешь на улицу выйти, воздухом подышать. Замок на двери висеть будет, а ты потайным ходом. А днем в подвале посидишь, наберешь книжек побольше. Ты ж читать любишь…

– Да не в этом дело, – поморщилась я. – Требование о выкупе как-то надо передать. Твой голос узнают, а брать в дело третьего – опасно.

– А и не надо никакого третьего. Письмецо напишем старым анонимным способом: вырежем буковки из газетки и на бумажку наклеим. Ты, кстати, и займешься, делать тебе в подвале все равно нечего.

– Глупость несусветная… Ну ладно. Допустим, письмо составили, и Аркаша заплатить решил. Деньги надо как-то получить. Аркаша за копейку удавится. Значит, за деньгами приглядывать будут, и мы, две умницы, сгорим во время передачи.

– Еще чего, – фыркнула Танька, – может, Аркаша и не дурак, но и мы не вчера на свет родились. Поставим условие, что деньги передаю я.

– Допустим. Но за тобой следить будут.

– А мне что? Лишь бы им в радость. К нашей помойке мусорка подъезжает ровно в восемь.

– Чего? – не поняла я.

– Мусороуборочная машина, – терпеливо пояснила Танька. – Никогда таких не видела? Далее она следует по проспекту до пересечения с улицей Погодина. Там прихватывает последние контейнеры. Я сегодня за ней покаталась. На Погодина она приезжает где-то в 9.45. Улавливаешь?

– На что тебе мусор? – запечалилась я. – Чем у тебя вообще голова забита?

– Ладно, ты без денег нервничаешь, оттого туго соображаешь. В письме напишем, чтоб деньги упаковали в кейс, который, само собой, повезу я. Кейс надо оставить в контейнере на улице Погодина, где-то в 9.40. Подъезжает мусорка, контейнер забирает и далее следует на свалку. Мальчики Аркаши следуют туда же. Если и смогут кейс найти, то, само собой, уже пустой. Пусть голову ломают, куда и как деньги по дороге ушли. Кстати, сегодня шофер с этой самой мусорки завтракать заезжал, в кафешку на Савельевской. Народу там всегда тьма, машины впритык стоят. Жует дядька не торопясь, где-то с полчаса. Аркашины мальчики потоскуют, к тому же со стороны все это выглядит подозрительным. Когда и в какой момент деньги из-под носа увели, сообразить будет трудно.

Я засмеялась.

– Так… Ты, конечно, прихватишь второй кейс. Пустой выбросишь в контейнер, а с денежками спокойно махнешь домой?

– Конечно.

– А если проследят? – напомнила я.

– Но не до двери квартиры. У меня соседка в отпуск уехала, ключ от своего жилища мне оставила. Зайду к ней, оставлю деньги, пусть полежат маленько…

– Кейс у тебя в руках заметят, – нахмурилась я.

– Повешу мешок на шею, плащ надену, белый, трапецией. По дороге деньги из кейса придется быстренько в мешок переложить. Купюры надо требовать крупные, чтоб долго не возиться. Парни близко подкатить не рискнут, так что при известной ловкости провернуть это нетрудно…

– Они могут проверить кейс после того, как ты бросишь его в контейнер, – сказала я.

– Вряд ли, опасно.

– Его может увидеть шофер мусорки.

– Рискнем. Хотя контейнером он особо не интересуется.

– А если Аркаша заявит в милицию?

– Это тоже вряд ли… Врагов у него полно, он гадать начнет, кто из них ему свинью подложил.

– Он может не дать ни копейки… – нахмурилась я.

– Как же… слабо старичку. Любовь, она дорогого стоит, а последняя и вовсе бесценна. Раскошелится.

– А я что рассказывать должна?

– Шла по улице, подскочили двое, затолкали в машину, глаза завязали, куда-то привезли. Держали вроде бы в подвале, еду приносили, когда свет выключали, на пол ставили. Потом в масках вошли, опять глаза завязали, вывели и в машине повезли куда-то. Велели до ста сосчитать. Повязку сняла, сижу на скамейке в парке Пушкина. Времени продумать всякие детали у тебя будет сколько угодно. Ну?

– Исключать милицию нельзя, – покачала я головой.

– Аркаша будет держать меня в курсе. Перепугается, гад, наболевшим начнет делиться.

– Засыпаться – раз плюнуть.

– Рискнем, – хмыкнула Танька. – В случае чего скажешь, что пошутила. Приласкаешь папулю, никуда не денется, простит.

– Меня – возможно, но не тебя.

– Моя идея – мой риск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/tatyana-polyakova/chego-hochet-zhenschina

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити